

Оглавление

Часть 1. ПРИКАЗ.....	7
Часть 2. ФАТУМ.....	173
От автора	349

*Если боги представляют собой именно это,
то дела наши плохи.*

Часть 1

ПРИКАЗ

Пролог

Не бывает таких теней. Ни одна вещь и ни одно сочетание предметов не смогут отбросить именно такую тень.

«Что это, на хрен, такое?» — думала Катя, вжавшись в диван.

Между шкафом и окном. Там кто-то стоит. Кто-то, кого не звали на эту тусовку.

На другом конце дивана сидят Антон и Виталик, пьяные в мясо; один увлеченно втирает другому про купленную на днях гитару, пытаясь переорать музыку из колонок. Света и Дима — она сидит в кресле, он рядом, на подлокотнике, — смотрят какое-то видео и смеются. Валя вертится у зеркала, поправляя волосы. Она вечно смотрится в зеркало, в сумочке у нее валяется сразу несколько пудрениц с зеркалами разных размеров. Может быть, она что-то заметила в отражении?

— Валь, — позвала Катя. — Валь, ау.

Валя, раскрыв рот, увлеченно красила губы.

— Валь!

В районе солнечного сплетения зашевелилась тревога.

Как будто бы ей нельзя выдавать свое присутствие. Как будто бы это может иметь плохие последствия.

— Чего? — Валя обернулась с недовольным лицом.

«Подзови ее поближе и скажи ей, что там, в углу, кто-то стоит». Перед тем как сделать

это, нужно еще раз взглянуть в угол и убедиться, что она точно видит это. Кошмарно четкий человекообразный силуэт между шкафом и окном.

Тень действительно была там. Впервые за полчаса она пошевелилась.

Очень медленно помотала головой из стороны в сторону.

«Нет».

— Ну? Чего? — раздраженно крикнула Валя. — Зависла?

Катя вздрогнула и отвела взгляд. Словно повторяя за тенью, помотала головой из стороны в сторону, подошла к Вале и прошептала:

— Сходи со мной на кухню за чаем.

— А одна что, не можешь?

Катя молчала. Валя скривилась и вышла в коридор, крикнув оттуда:

— Пойдем, я все равно хотела покурить.

Выходя из комнаты, Катя оглянулась. Все продолжали заниматься своими делами. Кажется, кроме нее никто не заметил тень. Или они делают вид, что не заметили, потому что им тень тоже намекнула, что лучше бы помолчать?

На кухне горел только ночник. Стол был завален грязными пластиковыми стаканчиками, пустыми бутылками, вывалившимися из пепельницы окурками и обертками от чипсов и шоколадок. Катя пощелкала выключателем, но свет не загорелся.

— Лампочка перегорела, — пояснила Валя. — Зачем тебе верхний свет? Чайник не найдешь? Вон он стоит, на плите.

Катя машинально налила воды в блестящий серебристый чайник, поставила его на плиту, зажгла газ. Нет, она должна спросить. Была не была.

— Ты видела тень?

— Чего?

— Тень, — неуверенно повторила Катя. — В углу комнаты как будто кто-то стоит. Какой-то... мужчина. Я не уверена, но силуэт похож на мужской. Он прямо сейчас там, в комнате, между шкафом и окном. Мне страшно.

Валя уставилась на Катю, забыв о тлеющей сигарете. Пепел падал на пол.

— Я ничего не видела, — наконец ответила она. — Какая тень, какой мужчина? Что ты несешь? Ты что, нажраться уже успела до такой степени?

Катя молчала.

— Справишься одна? Или тебя посторожить? Лучше езжай домой, тебе, по ходу, поспать нужно. — Валя вдавила окурок в переполненную пепельницу и под свист чайника вышла из кухни.

Катя медленно развернулась к плите и уставилась на надрывающийся чайник. В резко потяжелевшей голове не было ни одной мысли. В животе ворочалось что-то мерзкое и скользкое.

Слева мелькнула волосатая рука. Катя вздрогнула и обернулась.

— Дима, твою мать! Напугал!

— Извини, что прервал твое рандеву с орущим чайником, просто не хотел курить под этот свист, поэтому выключил плиту, — улыбнулся Дима. — Чего Валя такая злая? Поругались?

— Неважно.

— Нет уж, говори. Почему она вылетела с кухни с недовольной рожей, а ты стоишь белая, как холодильник?

Катя тяжело вздохнула. На нее навалилась жуткая усталость, словно по венам пустили подогретую смолу, которая заполнила все внутренности, сделав их горячими и тяжелыми. Какая уже разница? Валя все равно растреплет всем, выставив ее сбрендившей.

— Ты решишь, что я сошла с ума.

— Брось. Не заставляй тебя уламывать, говори.

— В общем... — Дышать стало тяжело, кто откачал из воздуха весь кислород? — Я весь вечер видела... Точнее, мне казалось, что в углу, между шкафом и окном, кто-то стоит. Мужской силуэт. Или не мужской, я не знаю. Просто тень. Стоит не двигаясь... Почти. Валя сказала, что ничего такого не видела. Конечно, не видела, потому что там ничего и нет. Наверное, у меня действительно начались глюки от переутомления. Я поеду домой, посплю. — Она

высвободила свою руку из Диминой, налила в кружку кипятка и опустила туда чайный пакетик. — Знаешь, у меня никогда не было галлюцинаций, я даже успокоительные никогда не принимала. Всегда считала себя психически здоровым человеком. Ошибалась, видимо.

Дима, не меняясь в лице, достал из лежавшей на столе пачки сигарету, чиркнул зажигалкой, затянулся и задумчиво сказал:

— Прикольно. Мы-то думали, что это мы допились до чертиков.

— Нет. — Катя почувствовала, как горячая смола у нее внутри начинает застывать. — Я почти не пила.

— Тогда у меня нет объяснений происходящему. Я тоже видел эту тень.

Из комнаты донесся громкий Валин смех. Остальные голоса звучали чуть тише. Ребята решали, какой фильм включить.

Дима затянулся и, не глядя на Катю, добавил:

— Света тоже ее видела.

1

Моя соседка тетя Марина, полненькая тетка в застиранном халате, говорила, что мир двигают вперед сомневающиеся люди. «Только дураки всегда во всем уверены и не допускают существования чего-то необъяснимого. Если бы на планете жили только такие люди, никаких великих открытий бы не совершалось».

После этого она включала какую-нибудь псевдонаучную передачу и погружалась в рассказы о летающих тарелках, йети и предсказаниях великих ясновидящих, а восьмилетнюю меня отправляла спать в соседнюю комнату.

Мама тогда работала в ночные смены в круглосуточном магазине и периодически оставляла меня на попечение тетя Марины.

Отчасти я понимала тех, кого соседка называла дураками: очень тяжело верить в то, чему не получается найти никаких, даже самых захудалых, доказательств. Рано или поздно начнешь притягивать за уши сомнительные аргументы в пользу своей картины мира, рискуя навсегда утонуть в иллюзиях. Но, с другой стороны, кому нужна эта скучная жизнь в том виде, в котором она нам предлагается? Пожалуй, только очень нелюбопытным и ограниченным.

Я всегда хотела верить, что есть что-то еще. Боялась признаться себе в этом, но хотела получить доказательства существования вещей и явлений, которые все мы привыкли отрицать. Хотя бы знаки. Намеки на это.

Профессия психолога не предполагает веры во что-либо, кроме науки, хотя велик процент тех, кто и психологию считает чем-то сродни астрологии. В этом есть доля истины. Лечить невидимыми методами невидимые болезни — звучит так себе, правда? Перелома психики не существует, и гипс на него не наложить. С дет-

ства мне хотелось иметь профессию, в которой еще слишком много темных пятен, неизученного и необъясненного. Я всегда говорила, что пошла учиться на психолога, потому что хочу помогать другим людям. Но, возможно, человеком, которому я действительно хотела помочь, была я сама.

— В жизни не встречал таких лифтов. Это ведь не могло быть лифтом изначально, да? Это ведь просто гроб, который нанизали на трос и пустили по шахте. Никто в здравом уме не спроектировал бы такой лифт, — бубнил Глеб, остервенело тыкая в полусожженную кнопку «б».

Лифт в Валином доме действительно напоминал гроб, потому что даже вдвоем там было невероятно тесно. Приходилось стоять, вжавшись в стены, но даже тогда вы все равно касались друг друга, особенно если были в зимних куртках, как мы сейчас.

— Лучше бы пешком пошли, — продолжал бубнить Глеб.

«А лучше бы вообще не пошли».

Вечеринки никогда не входили в список моих любимых развлечений. Раньше я думала, что все это из-за их формата — обычно мы собирались у Вали на квартире, пили и врубали музыку на всю громкость, чтобы не приходилось подыскивать темы для разговора, но однажды мне довелось побывать на настоящей светской вечеринке. Это была закрытая пре-

зентация книги, написанной какой-то скучающей богатенькой теткой, и я возлагала большие надежды на этот вечер, но выяснилось, что отличался он от наших посиделок у Вали только дресс-кодом и качеством предлагаемого поила. Все были в красивой одежде: вечерние платья, костюмы с бабочками и галстуками, начищенные до блеска ботинки и туфли с такими шпильками, которые вполне могли бы стать орудием убийства. Шампанское, хрусталь, классическая музыка. Но всем было так же неописуемо скучно и не о чем говорить. На лицах людей появлялось неприкрытое облегчение, когда кто-нибудь на сцене брал в руки микрофон и начинал толкать речь — это избавляло их от необходимости жонглировать идиотскими фразами, поддерживая пустую беседу с рядом стоящими.

Люди ведут очень много ненужных, ничемных бесед. Непозволительно много слов расходуется впустую.

— Можешь сделать лицо попроще, Алин? — Глеб подтолкнул меня в спину. — Попытайся хотя бы изобразить, что тебя от нас не тошнит.

— Изображать — это конек Вали, не мой.

Сегодня была не просто пьянка, а событие — Валя переехала в новую квартиру. Свое старое жилище она оставила, обнаружив ночью на кухне мертвого таракана. «Я плачу за эту квартиру слишком большие деньги, чтобы соседствовать с тараканами», — прокомментировала

она, закатив глаза. Я хотела заметить, что платит за аренду жилья не она, а ее родители, но вовремя стиснула зубы и нацепила улыбку. Недавно в нашу компанию прокралось слово «токсичность», и его вешали на любого, кто озвучивал неприятную правду. Этим человеком в основном была я, чуть реже Вика. Бесполезно было объяснять моим не слишком сведущим в психологии товарищам, что они зря называют это токсичностью, — это всего лишь озвучивание очевидных фактов. Если хочешь иметь друзей, умей вовремя затыкаться. Я бы даже сказала, если хочешь хоть как-то существовать в социуме.

— Проходите, разувайтесь вот тут, — суетилась Валя. — Я только сегодня все вымыла, убью вас, если наследите.

— Сегодня она в образе домохозяйки, — шепнул мне Глеб, стягивая ботинки. — Думаю, из Вали получится очень популярная и очень бездарная актриса. С ее отсутствием таланта и диким рвением только так и возможно.

Я улыбнулась.

Празднование новоселья длилось уже третий день. В предыдущие два дня у Вали тусовались ее друзья из театрального училища. Она не любила, когда ее компании пересекались.

«Артисты — такие сложные люди, вам будет тяжело с ними», — вздыхала она. Я никогда не спорила, потому что и сама не горела желанием

быть лишним человеком на импровизированном капустнике. Мне казалось, что театралы любую вечеринку способны неосознанно превратить в капустник.

Я повесила куртку на крючок, прошла на кухню и вытащила из рюкзака бутылку вина. Грохнув ее на стол, а себя на стул, закрыла глаза.

— Поганая квартирка, — донеслось слева.

— Я еще не успела ее рассмотреть, но коридор и кухня выглядят прилично. Откроешь вино?

— Я не про то. Она поганая не из-за ремонта, просто мне здесь не по себе. — Вика придвинула к себе бутылку и выудила из кучи пустых пачек из-под чипсов штопор.

— Тебе всегда и везде не по себе, а вот если Валя будет и здесь разбрасывать по столу мусор, то ей придется снова съезжать, потому что сюда набегут тараканы.

Вика поджала губы и начала усердно ввинчивать штопор в бутылку.

— Ты знаешь, я не любитель напиваться, но сегодня планирую нажраться. — Она выдернула пробку, отхлебнула прямо из горла большой глоток и поморщилась.

— Потому что здесь Глеб?

— Потому что здесь все вы.

Тусовка почему-то разом переместилась на кухню, не рассчитанную на такую толпу. Глеб копался в пустых сигаретных пачках, пытаясь

обнаружить там хоть одну сигаретку, Валя суетливо бегала от кухонного шкафчика к столу, доставая бокалы и разливая вино, Ваня уселся на пол рядом с Викой.

Ваня нравился мне больше всех. Худенький, с жидкими, вечно взъерошенными светлыми волосами и маленькими серыми глазками, на вечеринках он предпочитал молчать и застенчиво, невпопад улыбаться. Такие, как он, обделены вниманием женского пола и всегда остаются во френдзоне, но, когда у тебя случается беда, ты бежишь именно к ним, потому что точно знаешь — тебе помогут.

«Почему она встречается с этим идиотом, а не со мной?» — этот вопрос Ваня задавал мне с периодичностью раз в полгода, каждый раз имея в виду новую девчонку. Как и многие другие, он ошибочно полагал, что если я учусь на психолога, то смогу разрулить все беды в его жизни за пару бесед. «Сам знаешь, Ваня, с идиотами весело», — обычно отвечала я. И даже почти не лгала. С идиотами и правда веселее, чем с хорошими парнями, но это аттракцион для дурочек. Нормальная девушка выберет колесо обозрения, а не бассейн с акулами, и самое сложное тут — найти эту самую «нормальную девушку».

«Среди нас их нет. Пока ты проводишь время среди таких, как мы, ты не найдешь нормальную» — так я ему говорила, в ответ он спрашивал, где ему такую найти. Этот вопрос всегда

ставил меня в тупик. «Ну, не знаю. Может, на какой-нибудь выставке?»

— Давайте выпьем по-нормальному! С то-
стом! — заверещала Валя. Она жить не могла
без всех этих условностей вроде вымученных
тостов или штампованных поздравлений.

— Глеб, давай ты?

— Окей, — обреченно вздохнул он и взял
в руки бокал. — Давайте выпьем за то, чтобы
Вале хорошо тут жилось. Чтобы никаких тараканов,
пожаров, придурочных соседей и отморозков-друзей,
которые бы разнесли эту хату. Ура!

— Ура, — вяло откликнулись остальные.

Бокалы дзынькнули друг о друга, и на кухне
повисла тишина, означающая, что пустые
слова сказаны и люди наконец-то делают то,
что им действительно хочется: вливают в себя
алкоголь.

2

— Людям поразительно не о чем говорить,
замечала? — Я наблюдала, как Валя вертится
около Глеба, и пыталась отвлечь от этого зрелища Вику.

— Он ведь ей даже не нравится.

Она всегда так делала: вела диалог, не пы-
таясь сгладить острые углы и не давая шансов
вырулить собеседнику.

— Да брось, она просто пьяная, а здесь
больше не к кому клеиться. Мы не первый день
ее знаем. Хочешь, свалим домой?